

Счастливым день.

Каждый мечтает о счастье. У любого из нас, живущих на белом свете, свои потребности, желания, тайные мечты и амбиции. Но что такое счастье?

Философские трактаты, объяснения психологов, литературные труды, потуги политиков, где бесспорно имеется немало замысловатых фраз и умных толкований, - не могут дать полного и ясного объяснения. Но для отдельного человека счастье вполне конкретно.

Погожим апрельским днём я с дочкой Катей и внуком Алёшей ехал на машине из Йошкар-Олы в небольшой северный городок Никольск Вологодской области. В этих родных для меня местах, в тридцати километрах от Никольска стоит наша деревня Подольская, где жили мои родители, деды и прадеды. Деревня стоит в чудном по своей красоте месте, на берегу речки Шарженги, в которой на удивление водятся ещё настоящие раки, пусть не такие крупные, как в детстве, но водятся. И как только представлялась возможность, я стремился побывать на родине, как правило, со мной ехал кто-нибудь из домочадцев.

В Никольске, сначала ехал в администрацию, к главе района, чтобы передать одну-две просьбы жителей деревни, что в свою очередь просили меня по телефону (благо у всех сейчас сотовые) посодействовать в решении разных насущных потребностей деревенской жизни: сделать новый навесной мостик через речку, отремонтировать дорогу на кладбище, вырыть колодец, подключить фонари на деревенской улице. Я исправно передавал жалобы и просьбы и, несмотря на то, что в наше время это не является правилом, они практически все решались. Благодарный народ нашей округи проникался уверенностью, что опробованный канал связи действует, и снова обращался. И хотя за эти годы руководители района время от времени менялись, порядок моих к ним визитов не поменялся.

Изменился сам Никольск. Во времена моего детства жители окрестных деревень называли его уважительно – Город. Если нужно было побывать в райцентре, то говорили: «Поехал в Город». Тогда на улицах не было асфальта, а тротуары были деревянными и довольно узкими, но здесь была «городская» атмосфера: женщины ходили в платьях, а не в деревенских сарафанах, работал рынок, парикмахерская, ателье, в киоске можно было купить мороженое, а по субботам в парке молодежь танцевала под радиолу.

Главным транспортным узлом был аэропорт – здесь всегда многолюдно, с билетами были постоянные проблемы, особенно в летнее время и знакомство с кассиршей аэропорта считалось необходимым и престижным.

Сейчас уже и не подсчитать сколько раз я взлетал и приземлялся в качестве пассажира с Никольского аэропорта, но прилететь было полдела. В распутицу автобусы не ходили, да что там автобусы, в дождливую погоду в некоторые деревни можно было проехать только на гусеничном тракторе. Бывали случаи – на тракторе молодожены в сельсовет регистрироваться приезжали.

Сейчас Никольск имеет все признаки цивилизации: асфальтовые дороги, распекабельные магазины, коттеджи, которые образовали новые улицы и многочисленные иномарки, которые можно встретить на любой улице. Молодежь танцует в кафе, а потребность в аэропорте и вовсе исчезла.

После администрации уже по литературным делам я заходил в редакцию районной газеты, в библиотеку, иногда в школу, где местные энтузиасты и хранители литературного музея Муза Вячеславовна Береснева и Галина Леонидовна Сурина организовывали мне встречи со школьниками, на которых я с превеликим удовольствием читал свои стихи и рассказывал о других городах и странах.

Как правило, в день приезда я звонил Горбунову Геннадию Александровичу, руководителю агрофирмы имени Павлова и если он был в офисе, старался с ним встретиться. Это удивительный человек, который не смотря на занятость, всегда тепло и гостеприимно встречает меня и мою семью.

И только к вечеру, по дороге завернув в Павловский магазин на выезде из Никольска и набрав всяческих продуктов мы приезжали в деревню, которая несмотря на свои небольшие даже по здешним меркам размеры перенесла раскулачивание тридцатых годов, пожар, уничтоживший большую часть домов в 1943 году, укрупнение колхозов в пятидесятые, перестройку восьмидесятых и последующую ликвидацию колхозов в конце прошлого - начале нынешнего века. Она в духе чисто русского характера так много потерявшая, простила всех и продолжала жить своей совсем не бурной, но такой милой жизнью.

У мамы в деревне мы проводили несколько дней, досыта полакомившись блинами, ягодами и местными щами из мяса и овсяной крупы, непременно успев поправить забор, починить крышу, наколоть дров, покрасить ограду, а летом конечно вдоволь накупавшись в речке, возвращались в Йошкар-Олу.

В этот раз мы выехали по известному маршруту в конце апреля. Погода была не просто чудесной, она благоухала всеми красками весны, которая в этом году была не ранней по срокам, но быстро созревшей, что не оставило никаких шансов ушедшей зиме на реванш в виде обычных холодных утренников. Уже часов с восьми утра было необычайно тепло, а начинающие зеленеть, стоявшие вдоль дороги деревья радовали глаз после зимних, снежных пейзажей.

В машине негромко играла музыка, что не мешало нам вспоминать наши предыдущие поездки и связанные с ними интересные истории или как нынче говорит молодое поколение – приколы, разгадывали кроссворды, которые Катя предусмотрительно взяла с собой, и угощаться бутербродами из специального походного саквояжа - гибрида сумки и холодильника. Время от времени мне приходилось отвечать на вопросы:

-А бабушка поедет с нами в город?

-А сколько дней мы будем в деревне?

-А мостик через речку не унесло?

Так мы проехали Килемары, Шарангу, Тонкино, Урень и Ветлугу. Шарью миновали по новой объездной дороге. Что и говорить, с тех пор как построили новую дорогу наше обычное путешествие до жемчужины Северных Увалов, так иногда называют Никольск, через Кострому, Ярославль и Вологду в полторы тысячи километров сократилось до пятисот.

Нам уже не было необходимости делать тысячекилометровый крюк с ночевкой в Макарьеве, в гостинице, располагавшейся в бывшем купеческом доме, с узкими деревянными лестницами, резными колоннами и мраморными вазами. После Шарьи мы мчались по новой в несколько полос трассе и до наших родных мест оставалось совсем немного. Дети мои хоть и родились не на Вологодской земле, но с самых малых лет регулярно бывали в деревне и считают её родной.

По обеим сторонам от шоссе стоял русский северный лес, в котором смешались нарядные берёзы, строгие ёлки, подтянутые сосны; среди них можно было видеть ветки нежной рябины, безобидной ольхи, вездесущей осины и всё это, обрамленное кустами, мхом, ягодниками, составляло радугу свежести пробудившейся природы.

Время от времени были видны штабеля древесины, заготовленной зимой новоявленными местными бизнесменами, беседки, сооруженные, как правило, студентами-практикантами из романтических соображений, деревянные щиты с утопическими призывами беречь лес, современные бензозаправки, где по ценам, как правило, выше западноевропейских вашу машину запрявят топливом любой марки, и просто стоянки для автомашин, где можно отдохнуть, перекусить и даже поспать.

Неожиданно мы увидели, что среди расступившегося леса расположилась большая поляна к которой был съезд из асфальтового покрытия. Поляна возможно имела естественное происхождение, но впоследствии расширена и облагорожена для каких-то конкретных, скорее всего коммерческих целей: может здесь кафе разместят, а может станцию техобслуживания, которые всюду растут подобно грибам в дождливую погоду. Но не это было нам интересно. Я слегка притормозил, повернул руль, и мы остановились посередине площадки, которая частично оказалась загрунтованной, но окруженная молодым, обласканным солнцем лесом, казалась естественным ландшафтом предгорий близких уже Северных Увалов.

Мы вышли из машины, смотрели на начавшуюся покрываться зеленым цветом полосу леса, которая окружала нас, но не сужала пространство, а скорее наоборот расширяла его, уводя взгляд всё дальше вверх, где в голубизне неба плавно и невесомо плыли чуть розоватые от обилия света легкие облака.

Воздух пресыщено свежий наполнял нас с каждым вздохом ароматом благоухающей чистоты русской природы. Ощущение единения с этими приодетыми деревьями, птичьим пеньем, которое милее музыки любого оркестра, капельками влаги, которые можно было разглядеть на кустах, потому что в них отражались солнечные лучи и они блестели как камушки жемчуга, раскиданные вдруг расшалившимся волшебником.

Катя сначала смотрела на этот новый открывшийся нам мир, затем сделала несколько шагов и побежала. Она бежала, раскинув руки и немного покачиваясь, словно летела над этой поляной на встречу новой, ещё не известной, но такой прекрасной жизни. Это не была иммитация полета птицы, это был сам полет, ведь птица вряд ли осознает уникальность и прелесть полета – это ее естественное состояние, а Катя летела своими чувствами, ее переполнявшими, которые позволяют ощутить в эти мгновения всю полноту жизни.

Принятая и обласканная природой, с восторженными глазами, в которых отражалась бесконечность обволакивающего неба и безудержная красота весны, она продолжала бежать, лететь или парить с удовольствием воспринимая всё, что её окружало.

А природа, почувствовав ликование души человеческой от красоты её естественной, отдавала в знак благодарности струи свежести и тепла одновременно, которые можно почувствовать только в такие минуты единения с природой.

Катя бежала, источая бесконечную нежность и неподдельный восторг, так искренне радуясь и смеясь, что следом за ней так же раскинув руки и журча как самолет помчался Алёша, которому непременно нужно было догнать маму, а потом развернувшись они бежали уже вместе завораживая своей непосредственностью и чистотой восприятия мира.

Где-то там в другом измерении остались мои заботы и неотложные дела. Ощущение себя на родной земле с самыми близкими людьми, которые восторженно делали круги, дарило бесподобные, непередаваемые чувства. Эти минуты счастья для меня не могут сравниться ни с высотой карьерной лестницы, ни с наличием благосостояния и даже с материализацией каких-либо творческих идей в виде книг и статей.

Такие моменты не могут быть бесконечными. Через несколько минут пропитанные солнцем и воздухом мы снова сели в машину и продолжили свое путешествие. Но эти минуты уже не сотрутся в моей памяти, как рука матери, которая гладила меня по голове, когда я бежал навстречу ей, возвращавшейся с сенокоса и упал, ободрав коленки, как первая любовь, которая навсегда осталась в юности, с ее несбывшимися мечтами, как последний школьный вечер, после которого мы уже никогда не собирались все вместе.

Их, эти дни и мгновения нельзя вернуть, но они остаются с нами навсегда через воспоминания. Пусть они вспоминаются с грустью, но они дают нам ощущение жизни, которая приносит не только заботы, проблемы, обиды и разочарования, но и радостные минуты счастья.

Анатолий Подольский,
Член Союза писателей России.
Никольск – Йошкар-Ола
2009г